

Ужин

Автор:

Герман Кох

Ужин

Герман Кох

Роман популярного голландского писателя и журналиста Германа Коха в 2009 году удостоился в Нидерландах «Читательской премии». С тех пор он был переведен на два с лишним десятка языков и принес автору мировую известность: на сегодняшний день продано свыше миллиона экземпляров книги.

Сюжет ее, поначалу кажущийся незатейливым, заключен в жесткие временные рамки: это всего лишь один вечер в фешенебельном ресторане. Два брата с женами пришли туда поужинать и кое-что обсудить. Паул Ломан – бывший учитель истории, его брат Серж – будущий премьер-министр, у обоих дети-подростки. Начавшаяся банальная застольная беседа постепенно перерастает в драму, и на поверхность одна за другой проступают ужасные семейные тайны. С каждой новой переменной блюд напряжение только нарастает...

Херман Кох

Ужин

Herman Koch

HET DINER

Оригинальное издание опубликовано издательством Ambo | Anthos Uitgevers, Амстердам

© Е.Ассоян, перевод на русский язык, 2013

© 2009 by Herman Koch

© ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2013

Издательство АЗБУКА

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Niceguy Eddie: C'mon, throw in a buck.

Mr Pink: Uh-huh. I don't tip.

Niceguy Eddie: Whaddaya mean, you don't tip?

Mr Pink: I don't believe in it[1 - Хороший парень Эдди: Давай, подгони бакс.Мистер Розовый: Не, я чаевых не даю.Хороший парень Эдди: Не даешь?Мистер Розовый: Не считаю нужным (англ.)].

Квентин Тарантино. Бешеные Псы

Аперитив

1

Мы решили встретиться в ресторане. Не буду уточнять в каком, дабы не возбуждать праздное любопытство зевак. Серж забронировал столик. Он всегда все бронирует. В ресторане такого пошиба столик обычно резервируют заранее – месяца за три, или шесть, или восемь, – я сбился со счета. Лично я не имею привычки планировать свой ужин на три месяца вперед, но, очевидно, есть люди, для которых это в порядке вещей. Когда через несколько столетий историки захотят выяснить степень недоразвитости человечества в начале двадцать первого века, им достаточно будет заглянуть в компьютеры так называемых лучших ресторанов. Там хранятся все эти данные. Если в прошлый раз некий господин Л. готов был прождать три месяца, чтобы заполучить столик у окна, то теперь он согласится, пусть и с пятимесячным ожиданием, даже на столик у туалетной двери, – в ресторанах это называется «учетом сведений о клиентах».

Серж никогда не бронирует места за три месяца вперед. Он делает это непосредственно в день ужина, для него это своего рода спорт. Есть рестораны, которые всегда оставляют свободный столик для таких, как Серж Ломан. Этот ресторан не исключение. Интересно, есть ли во всей стране хоть одно заведение, сотрудников которого фамилия Ломан не приводит в экстаз. Само собой, он никогда не звонит лично, а поручает заказ своей секретарше или одному из подчиненных. «Не волнуйся, – сказал он мне по телефону пару дней назад. – Меня там знают. Все будет в ажуре». Я лишь спросил, следует ли нам созвониться и обсудить альтернативный вариант, в случае если ресторан будет забит до отказа. В ответ прозвучало что-то невнятно сочувственное – я прямо видел, как он покачивает головой. Спорт.

Сегодня я не хотел только одного – лицезреть, как владелец ресторана или дежурный метрдотель приветствует Сержа Ломана будто старого знакомого; как официантки провожают его к лучшему столику с видом на сад и как Серж

ломает комедию, что его, дескать, не трогают все эти почести, что в глубине души он самый что ни на есть обычный парень и ему гораздо уютнее среди таких же простых людей.

Поэтому я договорился встретиться с ним уже в самом ресторане, а не в кафе на углу, как предложил он. Это кафе посещают в основном простые люди. Я представил себе, как Серж Ломан заходит туда как самый обычный парень, с ухмылкой, призывающей всех как ни в чем не бывало продолжать беседу и не обращать на него внимания. Быть зрителем этой сцены у меня сегодня тоже не было ни малейшего желания.

2

Поскольку ресторан находится всего в нескольких кварталах от нашего дома, мы решили прогуляться пешком, заглянув по дороге в кафе, в котором я отказался встретиться с Сержем. Я обнял жену за талию, а ее рука забралась мне под пиджак. На фасаде теплым светом горела красно-белая реклама марки пива, которое подается в этом кафе.

– Мы слишком рано, – сказал я. – Точнее, мы неприлично вовремя.

Мою жену (больше не буду ее так называть) зовут Клэр. Родители окрестили ее Мари Клэр, но Клэр не хотела носить имя женского журнала. Иногда я зову ее Мари, чтобы подразнить. И лишь изредка пользуюсь выражением «моя жена», исключительно в деловых разговорах: «Моя жена не может сейчас подойти к телефону» или «Моя жена уверена, что забронировала номер с видом на море».

В такие вечера, как сегодня, Клэр и я наслаждаемся редкими минутами, которые можем провести вдвоем. Такое чувство, что у нас все еще впереди, что встреча в ресторане – досадная ошибка и что вечер только для нас двоих. Если бы меня попросили описать счастье, то я бы сказал: счастье самодостаточно и не нуждается в свидетелях. «Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему», – гласит первая фраза романа Толстого «Анна Каренина». От себя я бы еще добавил, что несчастливым семьям, и прежде всего несчастливым супругам в этих семьях, ни за что не справиться с несчастьем в одиночку. Несчастью всегда нужна компания. Несчастье не

переносит молчания, особенно неловкого молчания вдвоем.

Получив наше пиво, мы с Клэр улыбнулись друг другу, осознавая, что это лучший момент сегодняшнего вечера, который нам предстоит провести в обществе супругов Ломан, и что начиная с этого мгновения все покатится под гору.

Я вообще не хотел идти в ресторан. Я не любитель ресторанов. Ожидание скорой встречи – это преддверие ада, сама встреча – ад. Все начинается уже с утра перед зеркалом: что надеть, бриться – не бриться. Ведь любой наряд есть некое заявление, будь то рваные джинсы в пятнах или наглаженная рубашка. Однодневная щетина свидетельствует о твоей лени; двухдневная неизбежно наводит на подозрения о смене имиджа; щетина трехдневной и более давности сообщает, что всего лишь шаг отделяет тебя от полной деградации. «С тобой все в порядке? Ты не заболел?» Как ни крути, ты не свободен в своем выборе. Ты бреешься, но ты не свободен. Гладко выбритое лицо – это тоже заявление. Эта встреча для тебя так важна, что ты потрудишься побриться, думают окружающие. Побрившись, ты уже, по сути, проиграл со счетом 0:1.

И потом еще Клэр со своими постоянными напоминаниями, как он важен, нынешний вечер. Клэр умнее меня. Я говорю так не из дурацких феминистских соображений, не ради того, чтобы польстить женщинам. Ведь я не утверждаю, что женщины в целом умнее мужчин. Или утонченнее, чутче. Что живут они более полноценной жизнью. Я не болтаю подобного вздора, который на поверку чаще разносят так называемые сентиментальные мужчины, нежели сами женщины.

Клэр просто умнее меня, и я не отрицаю, что мне понадобилось какое-то время, чтобы это признать. В первые годы наших отношений я считал ее смышленной, только и всего, – ровно настолько, насколько это полагается женщине. Ведь с какой-нибудь тупицей я не выдержал бы и месяца. А с Клэр выдержал гораздо дольше. Почти двадцать лет.

Ладно, в общем Клэр умнее меня, но в такие вечера, как сегодняшний, она неизменно нуждается в моем совете: что ей надеть, какие серьги выбрать, как уложить волосы. Серьги для женщины примерно то же самое, что для мужчины бритье: чем торжественней вечер, тем внушительней серьги. У Клэр есть серьги на все случаи жизни. Некоторые скажут, неуверенность в выборе одежды – отнюдь не признак интеллекта. Но я другого мнения. Как раз глупая женщина считает, что разбирается во всем лучше других. «Что мужики в этом

понимают?» – думает глупая женщина и в результате делает неверный выбор.

Я пытаюсь представить себе, как Бабетта спрашивает Сержа Ломана, идет ли ей это платье. Не длинновато ли? А туфли с ним сочетаются? Каблук не слишком низкий? Или, наоборот, не чересчур ли высокий?

И здесь возникший передо мной четкий образ начинает расплываться. «Нет, – так и слышу я голос Сержа. – Нормально». Он слушает ее вполуха, ему неинтересно, и, кроме того, даже если его жена наденет не то платье, все мужчины неминуемо свернут себе шеи, когда она будет проходить мимо. Ей все к лицу. Что она там ноет?

Кафе, куда мы забрели, не было модным. Сюда не заходили гламурные персонажи. «Не крутое», сказал бы Мишел. Здесь преобладали простые смертные разных возрастов, самые обыкновенные люди. Все кафе должны быть такими.

Народу было много. Мы стояли вплотную друг к другу возле двери в мужской туалет. В одной руке Клэр держала пиво, а пальцами другой легонько сжимала мое запястье.

– Не знаю, – сказала она, – но в последнее время Мишел ведет себя как-то странно. Даже не странно, но не так, как всегда. Отчужденно. Ты не заметил?

Мишел – это наш сын. На следующей неделе ему исполнится шестнадцать. Нет, больше у нас детей нет. Не то что мы специально планировали произвести на свет лишь одного ребенка, просто в какой-то момент опоздали со вторым.

– Ты считаешь? – сказал я. – Вполне возможно.

Я не смотрел на Клэр, мы слишком хорошо знаем друг друга, мои глаза выдали бы меня. Поэтому я сделал вид, что гляжу по сторонам, что крайне увлечен болтовней обыкновенных людей в этом кафе. Я радовался, что настоял на своем и что мы договорились с Ломанами встретиться в ресторане, а не здесь.

– Он тебе ничего не говорил? – спросила Клэр. – Вы же ведете с ним чисто мужские беседы. Может, замешана девушка? С тобой ведь ему легче это

обсудить.

Дверь мужского туалета распахнулась, и нам пришлось отступить в сторону, почти прижавшись друг к дружке. Стакан Клэр стукнулся о мой.

- Какие-то проблемы с девушками? - повторила она свой вопрос.

Если бы с девушками, подумал я. Как это было бы прекрасно... и вполне нормально... обычные подростковые неурядицы. «Можно Шантал/Мейрел/Роз сегодня у нас переночует?» - «А ее родители в курсе? Если родители Шантал/Мейрел/Роз не возражают, то пожалуйста. Только подумай о... будь осторожен... ну, в общем, сам знаешь, не мне тебя учить. Хорошо? Мишел?»

У нас дома частенько бывали девушки, одна красивей другой, они сидели на диване или за столом и вежливо приветствовали меня, когда я возвращался с работы. «Здравствуйте, господин». - «Обращайся ко мне на «ты» и забудь про «господина». И они обращались ко мне на «ты» и называли меня «Паул». Но через несколько дней снова переходили на «вы».

Иногда они попадали на меня по телефону. Никогда не представлялись, сразу к делу: «Мишел дома?» Спрашивая, не нужно ли что-то передать Мишелу, я зажмурился глазами и пытался визуализировать обладательницу голоса на другом конце провода. «Нет, не нужно, спасибо. Просто его мобильный был выключен, и я решила позвонить на домашний».

Пару раз по возвращении домой мне казалось, что я им помешал, Мишелу и Шантал/Мейрел/Роз: было похоже, что не так уж невинно они смотрели «Звездную жизнь» по MTV, поскольку, едва слышав мои шаги, тут же отрывались друг от друга, наспех оправляли одежду и волосы. Особенный румянец на щеках Мишела и слишком разгоряченный его взгляд наводили меня на определенные подозрения.

Но, если честно, я не имел ни малейшего понятия о том, чем они там занимались. Может, между ними вообще ничего не было и все эти прелестные девушки считали Мишела просто хорошим приятелем: симпатичным мальчиком, с которым можно сходить на вечеринку, мальчиком, которому можно доверять.

– Нет, не думаю, что причина в девушке, – сказал я, глядя Клэр прямо в глаза. Гнетущая сторона счастья заключается в том, что ты весь как на ладони. Если я и дальше буду избегать ее взгляда, она точно заподозрит что-то неладное. – Скорее в школе. Только что закончилась зачетная неделя. По-моему, он элементарно устал. Думаю, он недооценил нагрузку.

Убедительно прозвучало? И главное, подкрепил ли я свои доводы уверенным взглядом? Клэр пристально на меня посмотрела, потом поднесла руку к воротнику моей рубашки, будто желая там что-то поправить именно сейчас, пока не поздно, чтобы в ресторане я не выглядел дураком.

Она улыбнулась и положила разведенные пальцы мне на грудь; кончики двух пальцев я ощутил на коже, там, где была расстегнута верхняя пуговица рубашки.

– Может быть, – сказала она. – Только, по-моему, нам надо быть начеку, иначе в какой-то момент он вообще перестанет с нами разговаривать. То есть я имею в виду, что мы к этому привыкнем.

– Конечно. Но в этом возрасте у него есть право на свои маленькие секреты. И нам не стоит его обо всем расспрашивать, если мы не хотим, чтобы он навсегда от нас закрылся.

Я посмотрел Клэр в глаза. «Моя жена, – подумал я в тот момент. – Почему мне нельзя называть ее «моя жена»? Моя жена. – Я обнял ее за талию и притянул к себе. – Пусть хотя бы на сегодняшний вечер. Моя жена и я, – сказал я мысленно. – Моя жена и я хотели бы ознакомиться с винной картой».

– Чему ты улыбаешься? – спросила Клэр. То есть моя жена.

Я бросил взгляд на наши пивные стаканы. Мой был пуст, ее полон на три четверти. Как всегда. Моя жена пила медленнее меня, и за это я тоже ее любил, в этот вечер, возможно, даже больше, чем обычно.

– Просто так, – сказал я. – Я подумал... я подумал о нас.

Все произошло очень быстро: я смотрел на Клэр, свою жену, с любовью, как вдруг глаза застлала влажная пелена.

Но, поскольку ей ни в коем случае нельзя было это видеть, я спрятал лицо в ее волосах. Я еще крепче прижал ее к себе и вдохнул запах шампуня. Шампуня и еще чего-то, чего-то теплого – счастья, наверное.

Как бы сложился наш вечер, если бы всего час тому назад я не поднялся в комнату Мишела?

Как бы сложилась тогда наша дальнейшая жизнь?

Может, тогда волосы моей жены пахли бы просто счастьем, а не воспоминаниями из далекого прошлого, чем-то, что можно потерять в любую секунду?

З

– Мишел?

Я стоял в дверях его комнаты. Самого Мишела в комнате не было. Или точнее: я знал, что Мишела в комнате не было. Он заклеивал в саду заднюю камеру своего велосипеда.

Я сделал вид, что забыл об этом. Разыграл мизансцену, будто Мишел, по обыкновению, сидит у себя в комнате.

– Мишел? – Я постучался в полуоткрытую дверь.

Клэр в это время рылась в шкафу у нас в спальне, ведь через полчаса мы должны были выдвигаться в ресторан; она никак не могла выбрать, что надеть: черную юбку с черными сапогами или черные брюки с кроссовками «DKNY». «Какие серьги? – спросит она меня сейчас. – Эти или те?» Я отвечу, что ей к лицу миниатюрные серьги и что они подходят как к юбке, так и к брюкам.

Тем временем я уже стоял посреди комнаты своего сына. И сразу обнаружил то, что искал.

Я хотел бы подчеркнуть, что никогда не поступал так прежде. Никогда. Когда Мишел переписывался с кем-то, сидя за компьютером, я всегда поворачивался спиной к его рабочему столу, чтобы не смотреть на экран. Я хотел, чтобы по моей позе он убедился: я не шпионю за ним и не подглядываю, что и кому он строчит. Иногда его телефон издавал пищащий звук, похожий на свист флейты Пана и сообщающий о получении эсэмэски. Часто он бросал свой мобильник где попало. Не буду отрицать, что в его отсутствие меня порой распирало любопытство: кто посылает ему сообщения? Однажды, зная, что из спортивной секции сын вернется лишь через час, я стоял и крутил в руках забытый им дома телефон – это был еще его старый «Sony Ericsson», не слайдер. На дисплее под изображением конвертика появилась фраза «Одно новое сообщение». «Не понимаю, что на меня нашло, но я прочел присланное тебе сообщение», – фантазировал я. Остается только гадать, узнал бы Мишел или нет, прочти я на самом деле адресованное ему послание. В любом случае он бы не подал виду, однако начал бы подозревать меня или мать в слежке за ним: царапина, которая со временем разрослась бы в приличную трещину. Жизнь нашей счастливой семьи уже никогда не стала бы прежней.

До его письменного стола у окна было всего лишь несколько шагов. Наклонись я вперед, я бы увидел, как он сидит на террасе перед кухонной дверью и возится с камерой. Подними он глаза, он различил бы силуэт отца в окне своей комнаты.

Я схватил со стола его новенький черный «Samsung» и сдвинул крышку. Я не знал пин-кода и, если бы телефон был выключен, я бы ничего не добился, но на дисплее тут же высветилась расплывчатая фотография логотипа «Nike», скорее всего, с его собственной одежды: кроссовки или черной шапочки, которую он даже летом и даже дома натягивал почти до носа.

Я быстро пробежался по меню, практически идентичном меню в моем телефоне, тоже «Samsung», только модели полугодовой давности и уже поэтому безнадежно устаревшей. Я выбрал рубрику «мои файлы» и нажал на «видео». Быстрее, чем я ожидал, я нашел то, что искал.

Я посмотрел ролик и почувствовал, как холодею. То был холод, сравнимый с холодом от чересчур большой порции мороженого или залпом выпитой ледяной воды.

Это был холод, причиняющий боль – изнутри.

Я прокрутил ролик еще раз, а затем включил продолжение. И увидел, что там было даже больше, но насколько больше, с наскака не оценить.

– Папа?

Голос Мишела доносился снизу, я слышал, как он поднимается по лестнице. Я молниеносно задвинул крышку мобильного и положил его обратно на стол.

– Папа?

Скрыться в спальне, достать из шкафа рубашку или пиджак и усесться перед зеркалом было уже поздно. Мне оставалось лишь как можно беспечнее и убедительнее выйти из комнаты сына – так, как будто я в ней что-то искал.

Как будто я искал Мишела.

– Папа? – Он остановился на последней ступеньке и посмотрел мимо меня внутрь своей комнаты. Потом перевел взгляд на меня. Он был в найковской шапочке, на груди болтался черный айпод-нано на тесьме; на шее наушники: здесь надо отдать ему должное – его не заботил статус, он быстро заменил белые «затычки» обычными наушниками, поскольку в тех лучше звук.

Все счастливые семьи похожи друг на друга, впервые подумалось мне в тот вечер.

– Я искал... – начал я. – Я искал тебя.

Новорожденного Мишела едва выходили. Я довольно часто вспоминал синюшное, сморщенное тельце в кувезе после кесарева сечения: то, что он еще жил, было подарком судьбы, тоже счастьем.

– Я клеивал велосипедную камеру, – сказал он. – Слушай, ты не знаешь, у нас ниппели нигде не завалялись?

- Ниппели, - повторил я.

Я не из тех, кто сам заделывает велосипедные камеры, меня на пушечный выстрел к ним нельзя подпускать. И все же мой сын вопреки здравому смыслу надеялся, что существует другая версия его отца, осведомленного о том, где лежат ниппели.

- А что ты тут делаешь? - вдруг спросил он. - Ты сказал, что искал меня. Зачем?

Я посмотрел в его ясные глаза под черной шапочкой, его честные глаза, составляющие, как я всегда полагал, важную часть нашего счастья.

- Просто так, - сказал я. - Потому что нигде не мог тебя найти.

4

Их, разумеется, еще не было.

Чтобы не слишком распространяться о местонахождении ресторана, скажу лишь, что со стороны улицы его загораживают деревья. Мы опаздывали на полчаса и, шествуя ко входу по гравийной дорожке, с обеих сторон освещенной электрическими факелами, обсуждали вероятность хоть разочек прийти позже Ломанов.

- Спорим? - предложил я.

- Зачем? - сказала Клэр. - Их все равно еще нет.

Девушка в черной майке и черном фартуке до лодыжек приняла у нас пальто. Другая девушка в таком же черном облачении изучала книгу заказов, возлежавшую на пюпитре.

Я видел, как она притворяется, будто не знает фамилии Ломан. К тому же притворялась она весьма неестественно.

– Господин Ломан, говорите? – Она подняла бровь и даже не потрудилась скрыть своего разочарования в том, что перед ней стоит не сам Серж Ломан, а абсолютно неизвестная ей парочка.

Я мог бы помочь ей, подсказав, что Серж Ломан вот-вот подъедет, но я этого не сделал.

Пюпитр с книгой заказов заливала светом сверху небольшая медная лампочка в стиле ар-деко, только что не то вошедшего, не то вышедшего из моды. Волосы девушки, такие же черные, как майка и фартук, были собраны в строгий тугий хвост, словно того требовал дизайн ресторана. Девушка, забиравшая у нас пальто, носила точно такой же хвост. Может, тут это своего рода гигиеническое требование, подобно обязательным маскам в операционных. Ресторан гордился тем, что пользовался лишь «органической» продукцией. В меню еще значились блюда из мяса, но только тех животных, у которых была «хорошая жизнь».

Поверх черного хвоста я сумел окинуть беглым взглядом интерьер ресторана, по крайней мере первые два-три столика, которые были отсюда видны. Слева от входа располагалась открытая кухня. Судя по всему, именно в данный момент там что-то фламбировали в сопровождении неизбежного фейерверка из языков пламени и сизого дыма.

Мне захотелось домой; отвращение от мысли о предстоящем вечере стало почти физическим – тошнота, вспотевшие ладони и зарождающаяся головная боль с левой стороны, – однако недостаточным для того, чтобы упасть в обморок или потерять сознание.

Я представил себе, как отреагировали бы девушки в черных фартуках, если бы кто-то из гостей, еще не миновав пюпитра, рухнул бы наземь. Они попытались бы незаметно оттащить меня в гардероб, в любом случае с глаз других посетителей. Скорее всего, меня усадили бы на табуретку за верхней одеждой. Любезно, но решительно предложили бы вызвать мне такси. Которое увезло бы меня отсюда! Прочь! Как было бы замечательно – кардинально изменить ход вечера, оставив Сержа вариться в собственном соку!

Я прокручивал в голове разные сценарии. Мы могли бы вернуться в кафе и заказать там порцию «еды для обычных людей»: свиные ребрышки с жареным картофелем за 11,50, что наверняка не составило бы и десятой доли той суммы,

которую мы потратим здесь на человека.

Другим вариантом было возвращение домой: по дороге мы зашли бы в видеотеку и взяли напрокат фильм, который посмотрели бы потом на нашей двуспальной кровати; бокал вина, крекеры, несколько кусочков сыра (придется еще забежать в ночной магазин) – и идеальный вечер нам гарантирован.

Я бы пошел на жертву, мысленно пообещал я себе, и позволил бы Клэр самой выбрать фильм, пусть даже костюмированную драму. «Гордость и предубеждение», «Комната с видом», «Убийство в Восточном экспрессе» или что-то в этом духе.

Да, можно сказать больным и пойти домой. Но вместо этого я изрек:

– Серж Ломан, столик с видом на сад.

Девушка оторвалась от изучения книги заказов и уставилась на меня.

– Но вы же не Ломан, – констатировала она не моргнув глазом.

В тот момент я проклял все: ресторан, девушек в черных фартуках, заведомо испорченный вечер, но больше всего в тот момент я ненавидел Сержа и этот ужин, на котором он настаивал громче всех и на который не удосужился явиться вовремя. Пунктуальность была не в его стиле; в провинциальных городках его всегда ждали избиратели – занятого Сержа Ломана постоянно что-то задерживало, затянувшееся совещание в другом городе, например; а сейчас он стоял в пробке, хотя ни разу в жизни не сидел за рулем; нет, вести машину было пустой тратой времени для столь талантливого человека, как Серж, – ее вел шофер, а Серж посвящал свои драгоценные минуты ознакомлению с важными документами.

– Он самый, – сказал я. – Моя фамилия Ломан.

Я пристально смотрел на девушку, которая, на сей раз лихорадочно захлопав глазами, уже открыла рот, чтобы произнести следующую фразу. Настал момент моей победы, только победа эта имела привкус поражения.

– Я его брат, – уточнил я.

5

– В качестве аперитива от заведения у нас сегодня розовое шампанское.

Метрдотель, или главный официант, или распорядитель (не знаю, как положено называть эту категорию служащих в ресторанах подобного класса), был одет в светло-зеленый костюм-тройку в тонкую голубую полоску, из нагрудного кармана виднелся уголок голубого носового платка.

У него был тихий голос, даже слишком тихий, практически тонущий в общем гуле; очутившись за столиком (с видом на сад! я оказался прав!), мы сразу заметили, что с акустикой тут что-то странное – приходилось говорить громче обычного, иначе слова уносились к высокому стеклянному потолку. Я бы даже сказал, нелепо высокому, не знай я о прежнем предназначении этого здания. Где-то прочел, что раньше здесь располагалась то ли молочная фабрика, то ли канализационная насосная станция.

Мизинцем метрдотель указывал на какой-то предмет на нашем столике. На свечку, сначала подумал я, – на всех столах вместо свечей в высоких подсвечниках мигали крошечные плоские свечи-таблетки. Но мизинец был направлен на плоску с оливками, очевидно только что поданную официантом. Во всяком случае, я не помнил, чтобы она там стояла, когда метрдотель выдвигал для нас стулья. Когда он успел ее принести? Меня охватил краткий, но сокрушительный приступ паники. В последнее время со мной часто такое случалось, когда вдруг из времени выпадали целые куски, образуя пустоты, внутри которых меня, скорее всего, не существовало.

– Это греческие оливки с Пелопоннеса, спрыснутые оливковым экстра-класса маслом первого отжима из Северной Сардинии и сдобренные розмарином из...

Тут метрдотель склонился над столом, но слышимость от этого не улучшилась; конец фразы вообще пропал, в результате чего происхождение розмарина так и осталось для нас загадкой. Хотя, по мне, подобная информация вообще никому

не нужна, мне все равно, вырос ли розмарин в Рурской области или в Арденнах. Не слишком ли много слов ради несчастной площадки оливок?

Вдобавок еще этот мизинец. Почему обязательно пускать в ход мизинец? Это что, признак хорошего тона? Может, это сочетается с костюмом в тонкую голубую полоску, так же как торчащий из кармана голубой платок? Или он просто что-то скрывает? Ведь мы не удостоились вида других его пальцев, которые метрдотель сложил в кулак, – может, они покрыты грибковой экземой, симптомом неизлечимой болезни?

– Сдобренные? – переспросил я.

– Да, сдобренные розмарином. Это означает, что...

– Я знаю, что это означает, – резко и, наверное, неуместно громко перебил его я: за соседским столиком мужчина и женщина, прервав свою беседу, обернулись; мужчина с густой бородой, закрывающей почти все лицо, и слишком молодая для его возраста женщина лет тридцати; второй брак, подумал я про себя, или девушка на один вечер, на которую он решил произвести впечатление, пригласив в такой ресторан. – Я в курсе, – продолжил я чуть тише, – что это не означает, что оливки были «удобрены» или «озлоблены».

Угловым зрением я видел, как Клэр смотрит в окно. Незавидное начало; вечер и так уже испорчен, мне не стоило усугублять ситуацию, хотя бы ради моей жены.

Но тут метрдотель сделал то, чего я никак не ожидал; я был готов к тому, что у него отвиснет челюсть, задрожит нижняя губа, что он, возможно, покраснеет и станет мямлить извинения, предписанные ему начальством и кодексом поведения с трудными и грубыми клиентами. Но вместо этого он разразился смехом, причем не подобострастным, а самым что ни на есть искренним.

– Простите, пожалуйста, – сказал он, прикрывая рот рукой; пальцы были по-прежнему подогнуты, и только мизинец все еще оттопыривался. – С таким поворотом мне еще сталкиваться не доводилось.

– Какой смысл в этом костюме? – спросил я Клэр, после того как мы заказали аперитив и метрдотель удалился.

– Милый... – Клэр протянула руку и прикоснулась к моей щеке.

– Нет, ты только посмотри. Он нацепил его не просто так. Ты же не будешь отрицать, что в нем кроется определенный смысл?

Моя жена одарила меня лучезарной улыбкой, которой одаривала меня всякий раз, когда считала, что я слишком завожусь, – улыбкой, говорящей, что ее забавляет мой пыл, но что она ни на секунду не воспринимает его всерьез.

– И эта церковная свечка? – продолжал я. – Почему не цветы? Или не траурный марш?

Клэр взяла пелопоннесскую оливку из плошки и сунула ее в рот.

– Ммм, – сказала она. – Объедение. Жаль только, что розмарин, судя по вкусу, явно недополучил солнца.

Теперь настала моя очередь улыбнуться жене; розмарин, как потом поведал нам метрдотель, был «собственного разведения» и происходил из стеклянной теплицы на задворках ресторана.

– Ты обратила внимание на его мизинец? – спросил я, раскрывая меню.

Вообще-то я сначала хотел взглянуть на цены – цены в подобных ресторанах меня завораживают. Должен отметить, сам я не жмот; не стану утверждать, будто не знаю цены деньгам, однако я ни в коей мере не отношусь к тем, кто уверен, что пойти в ресторан значит выбросить деньги на ветер, и предпочитает ужинать дома, где «гораздо вкуснее». Такие люди ничего не смыслят ни в еде, ни в ресторанах.

Нет, меня завораживает нечто другое, что условно назову непреодолимым расстоянием между блюдом и назначенной за него денежной суммой; мне кажется, что две эти величины: с одной стороны еда, а с другой – деньги – не

имеют между собой ничего общего, они обитают в диаметральных плоскостях и не должны соседствовать в одном меню.

Я собирался пройтись по названиям блюд и соотнесенным с ними ценам, но мое внимание привлекла фраза на левой странице меню.

Я впился в нее глазами, после чего стал высматривать полосатый костюм метрдотеля в глубине ресторана.

- Что случилось? - поинтересовалась Клэр.

- Знаешь, что здесь написано?

Моя жена вопросительно на меня посмотрела.

- Здесь написано: «Аперитив от заведения - 10 евро».

- Ну и что?

- Ты не находишь это странным? - удивился я. - Метрдотель говорит нам: «В качестве аперитива от заведения у нас сегодня розовое шампанское». Как это понимать? Ты пребываешь в полной уверенности, что ресторан угощает тебя розовым шампанским. Или я не прав? Если тебе что-то предлагают «от заведения», значит, бесплатно, так ведь? И тогда это не стоит десяти евро, это не стоит ни цента.

- Ну, не всегда. Например, «бифштекс ? la maison» означает лишь то, что бифштекс приготовлен по рецепту заведения. Нет, не очень удачный пример... Домашнее вино! Вино, разливаемое в данном заведении. Это же не значит, что его разливают бесплатно?

- Ладно-ладно, это логично. Но я про другое. Я же еще не успел прочесть меню. Человек в тройке выдвигает для тебя стул, ставит перед твоим носом жалкую плоскую тарелку с оливками и объявляет, какой сегодня в заведении аперитив. Это же слегка сбивает с толку. Это звучит так, словно аперитив предлагается бесплатно, а не стоит десять евро. Десять евро! ДЕСЯТЬ! Давай рассуждать иначе: стали бы мы заказывать бокал выдохшегося розового шампанского от заведения, если бы

заранее знали, что оно стоит десять евро?

- Нет.

- Вот именно. Нас просто поймали на крючок.

- Да.

Я посмотрел в глаза своей жене, и она ответила мне серьезным взглядом. «Нет, я не подтруниваю над тобой, – говорил ее взгляд, – ты совершенно прав. Я понимаю, что ты имеешь в виду. Это действительно странно. Такое впечатление, что они делают это намеренно, чтобы посмотреть, попадешься ты в их ловушку или нет».

- Правда же?

Вдалеке я уловил, как костюм-тройка нырнул в кухню; я помахал ему, но мой жест заметила лишь одна из девушек в черном фартуке, тут же устремившаяся к нашему столику.

- Послушайте, – сказал я, демонстрируя девушке меню и глядя на Клэр – в поисках поддержки или любви или в расчете на понимание, что, мол, с нами такие шутки не пройдут, – но взгляд Клэр был прикован к чему-то за моей спиной: к месту, где, по моему разумению, находился вход в ресторан.

- А вот и они, – сказала Клэр.

7

Обычно Клэр сидит лицом к стене, но сегодня мы поменялись местами.

- Нет-нет. Давай хоть разочек ты сядешь здесь, – сказал я, пока метрдотель выдвигал наши стулья и она машинально собралась занять место, откуда открывалась панорама сада.

Обычно я сижу спиной к саду (или к стене, или к открытой кухне) по одной простой причине: я не хочу ничего пропустить. Клэр всегда собой жертвует. Она знает, что мне не нравится вид стен или садов и что я люблю глазеть на людей.

– Да ладно тебе, – сказала она, пока метрдотель учтиво выжидал, не отрывая рук от спинки стула – стула с видом на ресторан, который он в принципе отодвинул для моей жены, – это же твое любимое место!

Дело не только в том, что Клэр готова принести себя в жертву. В ней есть какой-то покой или внутреннее богатство, позволяющее довольствоваться зрелищем глухой стены, или открытой кухни, или, как здесь, парой чахлах газонов с гравийными дорожками и прямоугольным прудом с хилой живой изгородью. Теоретически вдалеке должны были виднеться деревья, но из-за опустившихся сумерек и отражений в стеклянной стене их едва ли удастся разглядеть.

Подобного вида в сочетании с видом на мое лицо ей вполне хватало.

– Не сегодня, – сказал я. «Сегодня я хочу любоваться лишь тобой», – должен был добавить я, но вслух произнести этого в присутствии метрдотеля в полосатом костюме у меня не хватило духу.

Помимо того что в этот вечер я мечтал сосредоточиться на любимом лице моей жены, я надеялся избежать зрелища прибытия моего брата: возни в коридоре, раболепия метрдотеля и девушек в фартуках, реакции гостей. Однако в момент их прихода я все же обернулся.

Разумеется, появление супругов Ломан не осталось незамеченным. Возле пюпитра образовалось легкое столпотворение: не менее трех черных фартуков приняли на себя заботу о Серже и Бабетте. Их приветствовали метрдотель и еще какой-то седой полулысый мужчина, не в костюме и не в черном с головы до пят, а в обычных джинсах и белой водолазке – судя по всему, владелец ресторана.

Да, это и в самом деле оказался владелец, – он подошел к Сержу и Бабетте и пожал им руки. «Меня там знают», – предупредил нас Серж несколько дней назад. Он был на короткой ноге с мужчиной в белой водолазке, который ошастливливал своим выходом из открытой кухни отнюдь не каждого.

Гости делали вид, что не происходит ничего особенного, – скорее всего, выражать свои эмоции не полагается в ресторанах, где аперитив от заведения стоит десять евро. Видимо, они, еще на несколько миллиметров согнувшись над тарелками, изо всех сил пыжились сохранять непринужденность, лишь бы избежать неловкой тишины, – если судить по тому, как явственно усилился гул в зале.

И пока метрдотель (белая водолазка снова скрылась в кухне) сопровождал Сержа и Бабетту к нашему столику, по ресторану пробежала едва заметная волна: легкий бриз по прежде гладкой поверхности пруда, порыв ветра над кукурузным полем, не более того.

Серж широко улыбался и потирал руки, Бабетта следовала за ним. Судя по ее семенящей походке, она надела чересчур высокие каблуки и теперь едва поспевала за мужем.

– Клэр! – Он протянул руки навстречу моей жене, которая уже приподнялась на стуле, и они трижды поцеловались.

Мне поневоле тоже пришлось встать: останься я сидеть, мне пришлось бы потом долго объясняться.

– Бабетта... – сказал я, придерживая локоть моей невестки. Я уже рассчитывал на то, что она подставит щеки для предписанных трех поцелуев, чтобы затем поцеловать воздух у моих собственных щек, как вдруг ощутил мягкое прикосновение губ сначала на одной щеке, потом на другой, а последний поцелуй пришелся – нет, не в губы, но совсем рядом. После чего мы посмотрели друг на друга; на ней, как всегда, были очки, только на сей раз какая-то другая модель – по крайней мере, я не припомню, чтобы когда-то видел ее в очках с настолько темными стеклами.

Бабетта относилась к той категории женщин, которым, как говорится, идет все, даже очки. Но сейчас что-то явно было не так. Как в комнате, в которой в твоё отсутствие кто-то выкинул все цветы: изменение в интерьере, неосознаваемое до тех пор, пока не откроешь крышку мусорного ведра.

Жена моего брата обладала, мягко говоря, импозантной внешностью. Некоторых мужчин ее габариты приводили в трепет. Она не была тучной, нет, все ее

физические параметры идеально уравнивали друг друга. Тем не менее все в ней было крупным и роскошным: руки, ноги, голова, – слишком крупным и слишком роскошным, по мнению тех мужчин, которые втихаря обсуждали прочие части ее тела, пытаюсь мысленно воссоздать их размеры исходя из нормальных человеческих пропорций.

В средней школе я дружил с мальчиком двухметрового роста. Помню, как тяжело было стоять рядом со сверстником на целую голову выше тебя – ты буквально тонул в его тени, лишенный солнечного света. Солнечного света, на который я имел полное право, сетовал я частенько. Я вынужден был постоянно задирать голову вверх, отчего затекала шея, но это еще полбеды. Мы вместе проводили летние каникулы, и, хотя мой друг был не толстым, а только ужасно долговязым, мне приходилось отвоевывать себе пространство всякий раз, когда он шевелил руками или ступнями, торчавшими из спального мешка и упиравшимися в стенку палатки. Эта борьба отнимала у меня все силы. Иногда утром я обнаруживал его ноги за пределами палатки и чувствовал себя виноватым за то, что эта маленькая палатка не в состоянии вместить в себя таких людей, как мой школьный товарищ.

В присутствии Бабетты я всегда лез из кожи вон, чтобы казаться больше и выше, чем был на самом деле. Я вытягивался, чтобы она смогла смотреть мне прямо в глаза.

– Хорошо выглядишь, – сказала Бабетта, ущипнув меня за предплечье.

У большинства людей, особенно у женщин, высказанные вслух комплименты по поводу внешности – пустой звук. Но только не у Бабетты, как убедился я за многие годы. Если кто-то, кому она симпатизировала, неважно выглядел, она этого не скрывала.

Поэтому фраза «Хорошо выглядишь» могла означать, что я действительно хорошо выглядел, хотя, возможно, таким образом она приглашала меня высказаться на счет ее собственной внешности, уделив той больше внимания, чем обычно.

Я еще раз хорошенько заглянул ей в глаза сквозь стекла очков, отражающих весь ресторан: гостей, белые скатерти на столах, парафиновые свечи... да, десятки парафиновых огоньков дрожали в стаканчиках. Только сейчас я

заметил, что затемнен лишь верхний край стекол. Нижняя половина оставалась прозрачной, открывая для меня глаза Бабетты.

Они были красные и опухшие: явный признак недавних слез. Не слез двухчасовой давности, нет, слез, выплаканных только что, в машине, по дороге в ресторан.

Возможно, на парковке перед рестораном она и попыталась замаскировать их следы, но безуспешно. Своими затемненными очками она могла провести персонал в черных фартуках, метрдотеля в костюме-тройке и приткого владельца в белой водолазке, но только не меня.

И в тот же момент я понял, что Бабетта вовсе не собиралась меня обманывать. Она приблизилась ко мне ближе, чем обычно, поцеловала меня почти в губы и заставила посмотреть в ее влажные глаза, чтобы я мог сделать соответствующие выводы.

Она опустила веки и пожала плечами – на языке тела это могло означать только одно: «Мне жаль...»

Не успел я и рта открыть, как Серж протиснулся между нами, слегка оттолкнув свою жену, чтобы с силой пожать мне руку. Раньше он не отличался мощной хваткой, но за прошедшие годы научился приветствовать «простых людей страны» крепким рукопожатием, ведь они никогда не проголосуют за какого-нибудь хлюпика.

– Паул, – произнес он.

И улыбнулся, но без какой бы то ни было эмоции. «Улыбайся», – наверняка убеждал он сам себя. Эта улыбка входила в тот же арсенал, что и рукопожатие. Через семь месяцев то и другое вместе должны были обеспечить ему победу на выборах. Даже если в него будут швырять тухлыми яйцами, улыбка должна оставаться безупречной. Первое, что увидят избиратели, – это улыбку на лице, пусть и перепачканном тортом, брошенным разъяренным демонстрантом.

– Привет, Серж, – сказал я. – Как дела?

За спиной брата Клэр и Бабетта приветствовали друг друга. Они поцеловались – по крайней мере, моя жена расцеловала Бабетту в щеки, – обнялись и посмотрели друг другу в глаза.

Увидела ли Клэр то же, что и я? Распознала ли она те же красные круги отчаяния за тонированными стеклами? Но тут Бабетта рассмеялась и поцеловала воздух у щек Клэр.

Мы сели за стол. Серж – напротив меня, на стороне моей жены, а Бабетта с помощью метрдотеля опустилась на стул рядом со мной. Одна из девушек в черном фартуке ассистировала Сержу, который, перед тем как плюхнуться на стул, еще немного постоял, чтобы обозреть интерьер ресторана.

– В качестве аперитива от заведения у нас сегодня розовое шампанское, – объявил метрдотель.

Я глубоко вздохнул, по всей вероятности слишком глубоко, потому что моя жена посмотрела на меня таким пронзительным взглядом, словно пыталась мне что-то сказать. Она никогда не закатывала глаз, не кашляла и не пихала меня ногой под столом, желая предупредить меня о том, что я ставлю себя (или уже поставил) в глупое положение.

Нет, в ее глазах было какое-то неуловимое выражение, незаметное другим, что-то между усмешкой и внезапной серьезностью.

«Не надо», – сказал ее взгляд.

– Ммм, шампанское, – сказала Бабетта.

– Недурно, – сказал Серж.

– Секундочку, – сказал я.

Закуска

– Речные креветки в уксусе и оливковом масле с добавлением эстрагона и лука-поррея, – возвестил метрдотель, указывая мизинцем на тарелку Сержа. – А это лисички с Вогез, – мизинец перелетел через креветки к двум разрезанным вдоль коричневым грибам. Казалось, что лисички сорвали лишь несколько минут тому назад: основания ножек были облеплены чем-то, что, по-моему, могло быть только землей.

Я успел отметить ухоженную руку метрдотеля, когда тот откупоривал заказанную Сержем бутылку сабли; так что мои подозрения не оправдались – ему нечего было скрывать: коротко стриженные ногти без заусенцев, чисто вымытые пальцы без колец не выказывали ни малейших признаков какой-либо болезни. Однако рука чересчур активно орудовала в непосредственной близости от нашей еды, всего на пару сантиметров выше креветок, причем мизинец едва не коснулся лисичек.

Я с ужасом представил эту руку с мизинцем над собственной тарелкой, но подумал, что лучше не нагнетать атмосферу за столом и воздержаться от комментариев.

Вот именно, решил я в тот момент, я буду воздерживаться от комментариев. Сдерживаться, как задерживаешь дыхание под водой, и делать вид, что совершенно посторонняя рука над моей тарелкой – самая что ни есть нормальная вещь на свете.

Кое-что еще сильно действовало мне на нервы – растрчиваемое попусту время. Перед тем как откупорить сабли, метрдотель не торопясь закрепил на столе ведерко со льдом (модель, на двух крючках подвешиваемая на край стола, словно детское сиденье), затем продемонстрировал бутылку и этикетку: Сержу, разумеется, поскольку именно он выбирал вино, пусть и с нашего согласия. Эта бесконечная винная церемония меня безумно раздражала.

Точно не вспомню, когда он возомнил себя знатоком вин; по-моему, это произошло довольно спонтанно, просто в один прекрасный день он первым схватил винную карту и пробормотал что-то о «земляном послевкусии»

португальских вин из Алентежу. Это было не что иное, как захват власти, потому что с того дня винная карта стала прерогативой Сержа.

После демонстрации этикетки и одобряющего кивка моего брата метрдотель принялся открывать вино. Тут же выяснилось, что умение орудовать штопором не относится к числу сильных его сторон. Он попробовал завуалировать этот изъян, пожав плечами, улыбнувшись и сооротив гримасу, что с ним, дескать, такое случается впервые, но именно гримаса его и выдала.

– Эта бутылка явно не в настроении, – сказал метрдотель, после того как верхняя половина пробки, отломившись, раскрошилась.

Теперь он стоял перед выбором: попытаться вытащить из бутылки другую половину пробки под нашими выжидающими взглядами или же удалиться на кухню за квалифицированной помощью.

Простейшее решение проблемы, к сожалению, отпадало: рукояткой вилки или ложки протолкнуть строптивую пробку через горлышко внутрь бутылки. Тогда в бокалы, возможно, попали бы пробковые крошки, – но что с того? Какая разница? Сколько стоило это шабли? Пятьдесят восемь евро? Эта сумма все равно ничего не значит. В лучшем случае она может означать лишь то, что на следующее утро ты обнаружишь точно такое же вино за 7,95 на прилавке супермаркета «Альберт Хейн».

– Простите, пожалуйста, – сказал метрдотель. – Я принесу новую бутылку.

И не успели мы возразить, как он поспешно ретировался.

– Ну да, – сказал я. – Прямо как в больнице. В больнице тоже надо молиться, чтобы кровь у тебя взяла медсестра, а не врач.

Клэр рассмеялась. Бабетта тоже улыбнулась.

– А мне его жаль, – сказала она.

Только Серж задумчиво и серьезно смотрел перед собой. В выражении его лица было что-то почти удрученное, как будто у него отняли игрушку, занимательную

головоломку о винах, урожайных годах и сортах винограда. Неуклюжесть метрдотеля косвенно бросала тень и на него. Ведь это он, Серж Ломан, выбрал шабли с прогнившей пробкой. Он-то уже предвкушал стремительное развитие событий: изучение этикетки, одобряющий кивок, пробный глоток. Особенно последнее. Я вдоволь насмотрелся и наслушался, как он потягивает носом, полощет рот, причмокивает, перекачивает вино языком вперед-назад, вплоть до задней стенки горла и обратно. Я всегда отводил взгляд от этого моноспектакля.

– Остается только надеяться, что у другой бутылки такого изъяна не окажется, – сказал он. – Было бы обидно, ведь это восхитительное шабли.

Он явно находился в затруднительном положении. Ресторан тоже был выбран им, его здесь знают, мужчина в белой водолазке специально вышел из открытой кухни поприветствовать его. Интересно, как бы развивались события, если бы ресторан выбрал я, другой ресторан, в котором он еще не бывал и где метрдотелю или официанту не удалось бы открыть бутылку вина с первого захода; он тогда как пить дать сочувственно ухмыльнулся, покачал головой, – да, я знаю его как облупленного, – смерил бы меня взглядом, в котором ясно читалось: этот Паул всегда приводит нас в самые нелепые места...

Другие известные всей стране политики любили коротать время на кухне, собирали старые комиксы или собственноручно ремонтировали свои лодки. Зачастую выбранное хобби совершенно не сочеталось с имиджем того или иного политика. Некая серая мышь с лицом как скоросшиватель вдруг обожает на досуге готовить по французским рецептам и вот уже красуется на цветной обложке очередного воскресного приложения к национальной газете: вязаными прихватками гордо держит противень с мясным рулетом по-провансальски. Что особенно бросается в глаза помимо фартука с репродукцией картины Тулуз-Лотрека, так это улыбка, призванная донести до читателя полученное от стряпни удовольствие. Вернее, не улыбка, а испуганный оскал, – так непроизвольно скалишься, когда на дороге в тебя врезаются сзади, а ты и рад, что отделался легким испугом, – улыбка нескрываемого облегчения от того, что пресловутый мясной рулет по-провансальски не сгорел в духовке дотла.

Что именно происходило в голове Сержа, когда среди многочисленных хобби он выбрал себе именно винное? Надо бы уточнить. Может, даже сегодня вечером. Я сделал заметку на полях своей памяти, сейчас не самый подходящий момент, но вечер обещал быть длинным.

Раньше он вообще пил только кока-колу, в больших количествах; за ужином он легко мог разделаться с полуторалитровой бутылкой. При этом он громко и продолжительно рыгал, за что его часто выгоняли из-за стола. Отрыжка длилась секунд десять, а то и дольше; словно рокочущие раскаты грома, она поднималась из глубин его желудка, создавая ему определенную популярность на школьном дворе – исключительно среди мальчиков (он уже тогда знал, что девочек отрыжки и газы только отпугивают).

Следующим шагом стало оборудование бывшего чулана под винный погреб. Со стеллажами для бутылок, в которых, по его выражению, зрело вино. Во время званных обедов он читал лекции о разливаемых у них дома винах. Бабетта наблюдала за этим его увлечением с некоторой долей иронии, не воспринимая его всерьез. Помню, как однажды я позвонил Сержу, которого не оказалось дома, и к телефону подошла Бабетта. «Он в долине Луары, дегустирует вина», – сказала она с весьма недвусмысленной интонацией. С такой интонацией женщина сообщает, что ее супруг «вынужден был допоздна задержаться на работе», прекрасно зная, что у того уже больше года роман с секретаршей.

Я уже упоминал, что Клэр умнее меня. Но она никогда не предъявляет мне претензий, что я не дотягиваю до ее интеллектуального уровня. То есть она никогда не ведет себя со мной высокомерно, не вздыхает и не возводит глаза к небу, когда я чего-то не понимаю. Конечно, я могу только гадать, как она отзывается обо мне за моей спиной, но уверен, она никогда не позволит себе такого тона, как у Бабетты: «Он в долине Луары, дегустирует вина».

Совершенно очевидно, что Бабетта тоже гораздо умнее Сержа. Что не так уж и сложно, мог бы добавить я, но не делаю этого, – некоторые вещи говорят сами за себя. Я лишь рассказываю о том, что видел и слышал во время нашего совместного ужина в ресторане.

– Зобная железа ягненка, маринованная в оливковом масле из Сардинии с добавлением рукколы, – провозгласил метрдотель, тыча мизинцем в два микроскопических кусочка мяса в тарелке Клэр. – Помидоры, вяленые под

солнцем Болгарии.

Что меня поразило в тарелке Клэр, так это необозримая пустота. Разумеется, я знаю, что в престижных ресторанах качество превалирует над количеством, но пустота в тарелке Клэр явно была вопиющей.

Возникло впечатление, что пустая тарелка провоцирует тебя на замечание, жалобу в адрес открытой кухни. «Но ты же все равно не осмелишься!» – говорила тарелка, смеясь тебе в лицо.

Я напрягся, вспоминая цену, – самая дешевая закуска стоила девятнадцать евро. Цены на главные блюда варьировались в диапазоне от двадцати восьми до сорока четырех. Кроме того, гостям предлагались три варианта комплексного меню по сорок семь, пятьдесят восемь и семьдесят девять евро.

– Горячий козий сыр с кедровыми и грецкими орешками, – рука с мизинцем парила над моей тарелкой. Я подавил искушение ответить: «Я знаю, потому что именно это я и заказал» – и сосредоточился на мизинце. Ближе чем сейчас он в этот вечер ко мне не подбирался, даже когда разливалось вино. В конце концов метрдотель пошел по пути наименьшего сопротивления, вернувшись из кухни с новой, уже откупоренной бутылкой.

После винного погреба и поездки в долину Луары настал черед шестинедельных винных курсов. Отнюдь не во Франции, а в пустующем классе вечерней школы. Свой диплом Серж повесил на самом видном месте. На одном из первых уроков его должны были научить, что содержимое бутылки, пробка которой торчит над горлышком, может не совпадать с тем, что заявлено на этикетке. Недоброжелатели могли подменить вино, разбавить его водой из-под крана или плюнуть в бутылку.

Однако после аперитива от заведения и сломанной пробки Сержу Ломану, видимо, не хотелось дополнительной суеты. Не глядя на метрдотеля, он вытер губы салфеткой и буркнул под нос, что вино «восхитительно».

В тот момент я отвернулся и посмотрел на Бабетту. Ее глаза под затемненными стеклами очков были направлены на мужа; я не видел, но уверен, что она приподняла бровь, когда услышала его оценку вина, откупоренного на кухне. В машине, по дороге в ресторан, он заставил ее плакать, но сейчас ее глаза уже

были не такими опухшими. Я надеялся, что она метнет в него какую-нибудь колкость: у нее это прекрасно получалось, порой она бывала весьма язвительна. Фраза «Он в долине Луары, дегустирует вина» была наимягчайшей формой ее сарказма.

Я мысленно ее воодушевлял. Каждая несчастливая семья несчастлива по-своему. Если разобраться, то основательный, вышедший из-под контроля скандал между Сержем и Бабеттой еще до закусок был бы мне, пожалуй, на руку. Я бы произнес примирительные слова, выступил якобы непредвзятым судьей, между тем она бы поняла, что я на ее стороне.

К моему сожалению, Бабетта ничего не сказала. Было почти очевидно, что она проглотила несомненно убийственную реплику по поводу пробки. И все-таки случилось то, что вселило в меня надежду на предстоящий взрыв. По закону драмы, если в первом акте пьесы на стене висит ружье, то в последнем оно непременно должно выстрелить. Я увидел это ружье.

- Салат рапунцель, - произнес метрдотель.

Я следил за мизинцем, замершим в сантиметре над тремя-четырьмя съезжившимися зелеными листиками и расплавленным комком козьего сыра, а потом за рукой, повисшей так близко от меня, что, наклонись я слегка вперед, я смог бы ее поцеловать.

И зачем я заказал это блюдо, если не люблю козий сыр? Не говоря уже о салате рапунцель. На сей раз я благословил экономичные порции: моя тарелка тоже практически была пустой, хотя и не такой пустой, как у Клэр. Я бы мог съесть три листика в один присест или просто оставить их на тарелке, что по сути ничего не меняло.

Этот салат всегда ассоциируется у меня с хомячком (или морской свинкой) в клетке, установленной на подоконнике в нашем классе начальной школы. Наверное, для того, чтобы научить нас ухаживать за животными. Не помню, были ли листочки, которые мы просовывали по утрам сквозь прутья клетки, листками рапунцеля, - во всяком случае, выглядели они очень похоже. Хомячок (или морская свинка) жевал салат своими шустрыми зубками и потом весь день смиренно сидел в углу клетки. В одно прекрасное утро хомячок (или морская свинка) сдох, так же как и его предшественники: черепашка, две белые мыши и

палочки. Но, к сожалению, мы не извлекали урока из столь высокой смертности.

Ответ на вопрос, почему передо мной оказалась тарелка горячего козьего сыра с рапунцелом, был проще, чем может показаться на первый взгляд. Я был последний, у кого официант принимал заказ. Мы не договаривались заранее, кто что возьмет, а может, я просто прозевал этот момент. Как бы то ни было, я планировал заказать вителло тонато, но, к своему ужасу, обнаружил, что выбор Бабетты пал на то же самое блюдо.

Ничего страшного, подумал я, тогда переиграю на устрицы. Но, когда Серж прямо передо мной потребовал устриц, я оказался в тупике. Дублировать чей-то заказ не хотелось, но заказывать то же, что Серж, исключалось категорически. В теории я бы еще мог вернуться к вителло тонато, но только в теории. На практике это означало бы, что я, очевидно, не способен проявить оригинальность и сделать самостоятельный выбор, к тому же Серж заподозрил бы меня в попытке подыграть его жене. Что правда, которая именно поэтому не должна быть столь откровенной.

Мне пришлось снова раскрыть меню. Я притворился, будто хочу только показать официанту выбранное мною блюдо, а сам тем временем судорожно пробежал названия закусок. Но было уже поздно.

– А вы, господин, что желаете? – спросил метрдотель.

– Горячий козий сыр на листьях салата рапунцель, – выпалил я.

Прозвучало уж слишком бойко, с преувеличенной уверенностью в правильности собственного выбора. Серж и Бабетта ничего не заметили, но на лице Клэр отразилось изумление.

Защитит ли она меня от меня самого? Скажет ли она: «Но ты же не любишь козий сыр!»? Я не знал; в тот момент я был под обстрелом слишком многих взглядов, чтобы подать ей какой-то знак, и боялся рисковать.

– Я слышал, козий сыр привезен с домашней фермы, – сказал я, – где козы дни напролет пасутся на воздухе.

После того как метрдотель подробно описал Бабеттино вителло тонато (которое в идеальном мире могло бы быть моим) и удалился, мы наконец возобновили нашу беседу. «Возобновили», наверное, не самое удачное слово, поскольку никто из нас не имел ни малейшего понятия, о чем мы говорили до того, как принесли закуски. В так называемых престижных ресторанах это в порядке вещей: тебя без конца прерывают ради обстоятельных объяснений, в чем смысл кедрового орешка на твоей тарелке, нескончаемых ритуалов откупоривания бутылки и бесконечного подливания в бокал, кстати и некстати.

Скажу больше: я исколесил весь мир, побывал в разных странах и в самых разных ресторанах, но нигде, то есть буквально нигде, не подливают вино в бокал, если об этом не просишь. В других местах это считается неприличным. Только в Голландии официанты подлетают к твоему столику и не только без спросу подливают вино, но и бросают задумчивый взгляд на почти допитую бутылку. «Не пора ли заказать новую?» – прочитывается в этом взгляде. Один мой знакомый, работавший в свое время в голландских «престижных ресторанах», как-то поведал мне следующее. Тактика рестораторов в том, чтобы залить в своих клиентов как можно больше вина – вина, цена которого у них по меньшей мере в семь раз превышает цену от поставщика. Официанты намеренно затягивают перерыв между закуской и горячим: подмечено, что от скуки, дабы убить время, клиенты медленно, но верно напиваются. Закуску, как правило, приносят довольно быстро, иначе посетители начинают выражать претензии, однако между закуской и горячим они уже не в состоянии следить за ходом времени, поскольку достигли нужной кондиции. Не редкость и то, что давным-давно приготовленное горячее не подают до тех пор, пока никто не жалуется, но как только разговоры стихают и публика принимается возмущенно вертеть головами, тарелки поспешно засовывают в микроволновку.

О чем шла речь за нашим столиком до того, как подали закуски? Не то чтобы это было архиважно, ничего существенного мы все равно не обсуждали, но меня раздражала моя забывчивость. Я еще помнил предмет разговора сразу после возни с пробкой и заказа еды, но его содержание напрочь стерлось из моей памяти непосредственно перед тем, как метрдотель водрузил на стол тарелки.

Бабетта записалась в новый спортивный клуб, мы говорили о весе, пользе движения и спортивных увлечениях. Клэр с интересом слушала, а Серж заявил, что не выносит навязчивой музыки в большинстве спортивных клубов. Поэтому он принял решение бегать – в одиночестве, на свежем воздухе, что может быть прекраснее; он делал вид, что додумался до этого без посторонней помощи.

Видимо, предпочел забыть о том, что я начал бегать уже много лет тому назад и что он никогда не упускал случая подшутить над «беготней своего младшего братца».

Да, именно об этом мы и говорили, чересчур долго, на мой вкус, но зато мы выбрали безопасную тему – тривиальное начало заурядного ужина. Что было потом – не помню, хоть убейте. Я посмотрел на Сержа, на свою жену и, наконец, на Бабетту. Как раз в тот момент Бабетта воткнула вилку в вителло тонато, отрезала кусочек и поднесла его ко рту.

– У меня что-то вылетело из головы, – сказала она, остановив вилку прямо у открытого рта. – Так вы видели новый фильм Вуди Аллена или нет?

10

По-моему, это признак беспомощности собеседников – когда разговор сразу заходит о фильмах. То есть мне кажется, что о кинематографе уместнее поболтать ближе к концу вечера, когда уже исчерпаны все темы. Я всегда ощущаю неопределенное беспокойство, когда речь с места в карьер заводят о кино, это как если ты только что проснулся, а за окном уже смеркается.

Самые страшные типы – это те, кто пересказывает фильмы от начала до конца, со всей дотошностью, уделяя каждой картине минут по пятнадцать. Их не волнует, смотрел ты фильм или только собираешься, эти сведения они игнорируют, они уже вошли в раж. Поначалу ты еще изображаешь заинтересованность, но очень скоро отбрасываешь всякую вежливость, открыто зеваешь, пялишься в потолок, ерзаешь на стуле. Ты не брезгуешь никакими средствами, чтобы заставить оратора умолкнуть, но тщетно – он не воспринимает подаваемые ему сигналы, упиваясь собой и собственным повествованием.

Полагаю, это мой брат первым завел речь о новом фильме Вуди Аллена.

– Шедевр, – подытожил он, не удосужась даже спросить у нас с Клэр, смотрели ли мы его или нет. Бабетта поддержала мужа кивком, в прошлые выходные они

вместе ходили в кино. Для разнообразия они в чем-то согласились друг с другом.

- Шедевр, - подтвердила она. - Правда-правда, вам обязательно стоит посмотреть.

После чего Клэр сообщила, что мы уже видели этот фильм.

- Два месяца назад, - добавил я, что, по сути, было лишней информацией, но мне хотелось ею поделиться, не в пику Бабетте, а в пику моему брату, дать ему понять, что он здорово отстал со своими «шедеврами».

Потом нас обступили девушки в черных фартуках с закусками и метрдотель с мизинцем, и мы потеряли нить разговора, пока Бабетта не вернулась к нему.

- Отличный фильм, - сказала Клэр, окуная вяленый под болгарским солнцем помидор в лужицу оливкового масла. - Даже Паулу понравился. Правда, Паул?

Клэр часто привлекает меня к беседе таким образом, что у меня нет пути к отступлению. Теперь все знали, что мне понравился фильм, что даже Паул, которому не нравятся никакие фильмы, не говоря уже о фильмах Вуди Аллена, оценил эту ленту по достоинству.

Серж с полным ртом поднял на меня глаза.

- Шедевр, правда? Фантастика! - Он продолжал жевать, а потом что-то проглотил. - А эта Скарлетт Йоханссон может до конца моей жизни приносить мне завтрак в постель. Ну и красotka!

Услышать, как старший брат называет шедевром фильм, который произвел на тебя благоприятное впечатление, примерно то же самое, что надеть на себя его старую одежду: одежду, из которой он вырос, но которая в твоих глазах прежде всего старая. Возможности мои были довольно ограничены: согласиться с тем, что фильм Вуди Аллена действительно шедевр, означало снова нацепить на себя поношенную одежду брата, а принять такое априори нельзя; превосходной степени от слова «шедевр» не существует; в лучшем случае я бы мог попытаться доказать, что Серж не понял фильма, что он напрасно столь высоко его оценил, но это потребовало бы от меня слишком большой изобретательности; к тому же

для Клэр мои аргументы были бы шиты белыми нитками, да и для Бабетты тоже.

Поэтому оставалось только одно – основательно сгустить краски, что не представляло особого труда; слабых мест в фильме Вуди Аллена навалом, слабых мест, которые не имеют значения, если фильм тебе понравился, но которые в случае необходимости можно поместить под лупу, дабы раскритиковать его в пух и прах. Клэр сначала поднимет брови, но потом, надеюсь, поймет мой замысел: что я предал наше обоюдное удовольствие от просмотра только ради борьбы против скучной и бездарной болтовни о кино.

Я взял бокал шабли, собираясь сделать полный раздумий глоток, прежде чем приступить к осуществлению плана, но тут меня осенила другая мысль. Что этот недоумок сейчас сказал? О Скарлетт Йоханссон? Что-то про «завтрак в постель», про «красотку». Не знаю, как Бабетта относилась к подобным залихватским мужским комментариям, но Клэр всегда вставала на дыбы, когда мужчины принимались обсуждать «аппетитные попочки» или «грандиозные сиськи». Я не заметил ее реакции на Сержево упоминание о завтраке, потому как в тот момент смотрел на него самого, но это было и не важно.

У меня складывалось впечатление, что в последнее время он начинает утрачивать связь с реальностью, ведь он со всей серьезностью полагал, что Скарлетт Йоханссон загорится желанием приготовить ему завтрак. Подозреваю, что он смотрит на женщин примерно так же, как на еду, ежедневную горячую еду. Я наблюдал это и раньше. «Я голодный», – говорил Серж всякий раз, когда хотел есть. Он говорил это и тогда, когда мы гуляли на природе, вдали от цивилизации, или когда мчались по автостраде. «Ясно, – отвечал я тогда. – Но в данный момент еды у нас нет». «Но я же голодный, – настаивал Серж. – Мне надо поесть сию же минуту».

Было что-то печальное в этой тупой решимости, заставляющей его забывать обо всем на свете и нацеленной на одно – утолить голод. В подобные минуты он напоминал животное, наткнувшееся на препятствие, – какую-нибудь безмозглую птицу, упорно пытающуюся вылететь в закрытое окно.

Когда мы наконец отыскивали закусточную, еды ему всегда было мало. Он ел так, словно заправлялся бензином: быстро и энергично прожевывая булочку с сыром или миндальное пирожное, чтобы горючее как можно быстрее достигло желудка, ведь без горючего далеко не уедешь. Длинные трапезы вошли в его жизнь гораздо позже, так же как и увлечение винами, – когда на него вдруг

снизошло озарение, что он принадлежит к высшей касте общества; но скорость и энергичность остались прежними – он всегда первым опустошал свою тарелку.

Я бы отдал целое состояние, чтобы хоть одним глазком взглянуть, что творится в их с Бабеттой спальне; однако другая часть моего существа, как раз наоборот, изо всех сил противится столь бредовому желанию и готово выложить не меньшее состояние, чтобы этого избежать.

«Я хочу секса», – наверняка заявляет Серж. А Бабетта жалуется в ответ, что у нее болит голова, что у нее месячные или что сегодня вечером она вообще неспособна думать об этом, о его теле, его руках и ногах, о его запахе. «Но я хочу секса сейчас». Предполагаю, что мой брат занимается сексом подобно тому, как поглощает пищу, что он входит в женщину так же, как засовывает в рот котлету, чтобы на время утолить голод.

– Значит, ты в основном тарачился на грудь Скарлетт Йоханссон? – спросил я гораздо грубее, чем собирался. – Или под «шедевром» ты имел в виду что-то иное?

Воцарилась пронзительная тишина. Такого рода тишину услышишь только в ресторанах: когда внезапно обостряется осознание, что вокруг люди, и вдруг отчетливо слышится шелест салфеток и стук вилок за остальными тридцатью столиками, то есть одна-две секунды затишья – и фоновое сопровождение выходит на первый план.

Тишину прервал смех Бабетты; я бросил взгляд на свою растерявшуюся жену, а потом на Сержа: он тоже попытался рассмеяться, но явно неискренне, вдобавок он все еще сидел с набитым ртом.

– Не строй из себя святошу, Паул! – сказал он. – Ну, признай, что она потрясающая цыпа, ты же не слепой!

Я знал, что выражение «потрясающая цыпа» определенно не понравится Клэр. Сама она всегда говорила «красивый мужчина» и никогда «классный мужик». К месту и не к месту употребляемое женщинами в адрес мужчин модное выраженьице «аппетитная задница» слегка ее напрягало. «Это как если бы женщины вдруг все скопом начали курить трубку и плевать на пол», – как-то заметила она.

В глубине души Серж всегда оставался деревенщиной, тем же невоспитанным подростком, которого выгоняли из-за стола за отрыжку и газы.

– Скарлетт Йоханссон весьма привлекательная женщина, – сказал я. – Просто мне показалось, что ее внешность ты счел главным достоинством фильма. Поправь меня, если я неправ.

– Ну, по-моему, этот, как его, англичанин, тренер по теннису, который не в силах был выбросить ее из головы, совсем с катушек съехал. Он даже вынужден был ее убить, чтобы не упустить своего.

– Ну вот! – воскликнула Бабетта. – Зачем ты рассказал, они же еще не смотрели!

И снова тишина. Бабетта перевела взгляд с Клэр на меня.

– Фу, черт, совсем забыла. Вы же как раз видели этот фильм!

11

Теперь мы смеялись все вчетвером – момент разрядки. Слишком расслабляться, однако, не стоило, следовало сохранять бдительность. Дело в том, что Серж Ломан сам был обладателем «аппетитной задницы», и данный факт частенько акцентировался противоположным полом. Он прекрасно знал, что пользуется успехом у женщин, и в этом не было ничего предосудительного; он был фотогеничен, отличался приятной, но опять-таки деревенской наружностью, слишком уж простоватой, вырубленной как бы из одного чурбака, – но есть ведь женщины, которым по вкусу грубая мебель, стол или стул, сколоченные из «аутентичных материалов» – досок от старого хлева в Северной Испании или Пьемонте.

Раньше подружки Сержа уже через несколько месяцев сбегали от него: было в нем что-то постное и прямолинейное, и им быстро надоедала его «смазливая мордашка». Только Бабетта выдержала рядом с ним дольше других, восемнадцать лет, что само по себе можно считать чудом: вот уже восемнадцать лет подряд они ссорятся, поскольку совершенно не подходят друг другу.

Впрочем, на каждом шагу встречаются пары, для которых нескончаемые трения и являются движущей силой брака, когда каждый скандал предвещает момент примирения в постели.

И все же порой я не мог отделаться от мысли, что Бабетта просто подписалась на союз с успешным политиком, потому что ей было жаль выкинуть из жизни потраченные на него годы; так ты не откладываешь в сторону дрянную книгу, прочитав ее лишь до половины, но помимо воли домучиваешь до конца в надежде на удачную развязку.

У них было двое своих детей: Рик, ровесник Мишела, и Валери, слегка аутичная девочка тринадцати лет, красивая почти призрачной красотой русалки. И еще был Бо, точный возраст которого установить не удалось – по всей видимости, где-то между четырнадцатью и семнадцатью годами. Бо происходил из Буркина-Фасо и оказался в семье Сержа и Бабетты благодаря одной из программ помощи развивающимся странам. Согласно правилам, ты помогал детям школьного возраста из стран третьего мира, оплачивая их учебники и предметы первой необходимости, а потом «усыновлял» их: сначала на расстоянии, посылая им письма, фотографии и открытки, а потом по-настоящему, вживую. Отобранные дети находились какое-то время в голландских семьях, и если все шло хорошо, то им разрешали остаться. Вот такая покупка в рассрочку. Это как взять кота из приюта: если он раздерет диван или запишет весь дом, то его можно будет отнести обратно.

Я помню несколько фотографий и открыток, полученных от Бо из далекого Буркина-Фасо. На одной из них, которая мне особенно запомнилась, он стоит перед кирпичной лачугой с крышей из гофрированного листа, черный как смола парнишка в полосатой рубашке почти до пят, с голыми ногами в резиновых сандалиях. «Большое спасибо моим родителям за нашу школу!» – было старательно выведено внизу красивым почерком.

«Какая прелесть!» – сказала тогда Бабетта, увидев фотографию. Они с Сержем отправились в Буркина-Фасо и сразу, по их словам, влюбились в мальчика.

Затем последовало второе путешествие, заполнение документов, и через несколько недель Бо приземлился в аэропорту Схипхол. «Вы отдаете себе отчет, во что ввязываетесь?» – спросила Клэр, когда процесс усыновления еще находился на стадии открыток. Но этот вопрос вызвал лишь бурю возмущения. Они ведь помогают ребенку! Ребенку, который в своей стране никогда бы не

получил таких возможностей, как в Голландии! Да, они хорошо понимают, что делают, – людей, думающих исключительно о себе, на Земле ведь и так хватает.

Их невозможно было обвинить в примитивном эгоизме. Они не были обычными усыновителями, неспособными иметь собственных детей, – Рику тогда уже исполнилось три года, а Валери – несколько месяцев. Они брали в свою семью, абсолютно бескорыстно, третьего ребенка, чужого, социально неблагополучного, предлагая ему новую жизнь в Голландии.

Но тогда что это было? Действительно, во что они ввязывались?

Поскольку Серж и Бабетта запретили нам задавать этот вопрос, мы не задавали и других. Есть ли у Бо биологические родители, разрешившие ему покинуть страну? Или он сирота, предоставленный самому себе? Надо заметить, что Бабетта занималась усыновлением фанатичнее, чем Серж, с самого начала это был всецело ее «проект», который она во что бы то ни стало хотела довести до счастливого конца. Она изо всех сил старалась не обделить приемного ребенка материнской любовью.

В конце концов само слово «усыновление» превратилось в табу. «Бо – наш ребенок. Между нашими детьми нет никакой разницы». В такие моменты Серж одобрительно кивал. «Мы любим его наравне с Риком и Валери», – говорил он.

Возможно, он осознавал это уже тогда и все заранее обдумал – я не вправе судить, – но позднее этот «проект» сослужил ему хорошую службу: чернокожий сын из Буркина-Фасо, которого он любил так же, как собственных детей. Этот проект был иного порядка, чем его винное хобби, но производил сходное впечатление. Он укреплял его имидж: Серж Ломан, политик с приемным африканским ребенком.

Он все чаще позировал со своей большой семьей; фотографии получались эффектные: Серж и Бабетта на диване и трое детей у них в ногах. Бо Ломан был живым доказательством того, что этот политик живет не только сугубо личными интересами; что он, по крайней мере раз в жизни, поступил великодушно, ведь двое других его детей зачаты естественным способом, а значит, острой необходимости в усыновлении ребенка из Буркина-Фасо не было. Так что это стало неким косвенным посланием общественному мнению: значит, Серж Ломан не станет руководствоваться чисто эгоистическими соображениями и в прочих

областях своей деятельности.

Официантка, похожая на Скарлетт Йоханссон, подливала вина в наши с Сержем бокалы: Клэр и Бабетта свои бокалы еще не допили. На эту операцию у нее ушло довольно много времени, неловкие движения выдавали новенькую. Сначала она вытащила бутылку из ведерка со льдом и протерла ее насухо белой салфеткой, ниспадающей с края ведерка; сам процесс подливания проходил негладко – она стояла под слишком острым углом к стулу Сержа, в результате чего задела локтем голову Клэр.

– Простите, пожалуйста, – извинилась она и покраснела.

Конечно, Клэр тут же успокоила ее, что, мол, ничего страшного не произошло, но девушка так растерялась, что наполнила бокал Сержа аж до краев. Тоже невелика беда – но только не для винного эксперта.

– Ого! – воскликнул мой брат. – Вы что, хотите, чтобы я напился в стельку?

Он отодвинул стул на полметра от стола, как будто девушка пролила полбутылки ему на брюки. Теперь ее окончательно вогнали в краску, она хлопала глазами, словно собираясь расплакаться. Подобно другим девушкам в черных фартуках, она тоже носила предписанный им всем тугий хвост, но благодаря золотистому цвету волос выглядела менее сурово, нежели ее темноволосые коллеги.

У нее было миловидное личико, и я не мог отказать себе в удовольствии вообразить, как она снимет резинку с хвоста, распустил волосы по окончании рабочего дня, такого ужасного рабочего дня, и поспешит рассказать подруге (или приятелю): «Представляешь, со мной сегодня такое случилось! Так глупо... Ты же знаешь, как я ненавижу эту канитель с винным этикетом? Ну так вот, сегодня я опять все испортила. И знаешь кому?» Подруга (или приятель) покачает головой и спросит: «Кому?» Для достижения максимального эффекта девушка выдержит короткую паузу, а затем ответит: «Сержу Ломану!» – «Кому?!» – «Сержу Ломану! Ну, тому, министру. А может, он и не министр, но ты понимаешь, о ком я, его еще вчера показывали в новостях, ну, который, скорее всего, победит на выборах. Ужасно глупо получилось, а его соседке по столу я вдобавок заехала локтем по голове». – «Да ты что?! О господи, ну а потом-то что?» – «Ничего, он был очень любезен, хотя мог бы стереть меня в порошок!»

Очень любезен... Да, он был очень любезен, когда отодвинул свой стул на полметра от стола, поднял голову и только тогда впервые соблаговолил посмотреть на девушку. Я заметил, как в сотую долю секунды поменялось его лицо: наигранное возмущение по поводу непрофессионального обращения с его сабли сменилось приветливым, чуть ли не виноватым выражением. Судя по тому, как он растаял, сходство со Скарлетт Йоханссон не ускользнуло и от его внимания. Он видел перед собой «потрясающую цыпу», пунцовую и сконфуженную, безоговорочно сдавшуюся на его милость. И он послал ей свою очаровательную улыбку.

- Ничего страшного, - сказал он, поднимая бокал и расплескивая его содержимое на полупустую тарелку с устрицами. - Вино не пропадет.

- Простите, пожалуйста, - повторила девушка.

- Не переживайте. Сколько вам лет? Вы уже можете голосовать?

Сначала я подумал, что ослышался. Но в этот момент брат повернулся ко мне и сально подмигнул.

- Девятнадцать.

- Ну тогда, если на предстоящих выборах вы отдадите свой голос за нужную партию, мы забудем про этот маленький винный инцидент.

Девушка в очередной раз зарделась, и я снова подумал, что она разрыдается. Я сразу перевел взгляд на Бабетту, но не обнаружил на ее лице никаких признаков недовольства поведением своего мужа. Как раз наоборот, казалось, что эта сцена ее забавляла: политик национального масштаба Серж Ломан, лидер крупнейшей оппозиционной партии, без пяти минут премьер-министр, открыто заигрывает с девятнадцатилетней официанткой, вгоняя ее в краску, - возможно, это и впрямь весело, возможно, таким образом еще раз подтверждался его неотразимый шарм, а Бабетте попросту нравилось быть женой такого человека, как мой брат. В машине, по дороге в ресторан, или на парковке он довел ее до слез. Ну и что? Она же не собирается расстаться с ним после восемнадцати лет совместной жизни? За шесть месяцев до выборов?

Я попробовал поймать взгляд Клэр, но она целиком была поглощена эволюциями переполненного бокала. Прикоснувшись к затылку, куда угодил локоть девушки (возможно, с большей силой, чем нам всем показалось), она спросила:

- Вы летом опять едете во Францию? Или вы еще не определились с планами?

12

У Сержа и Бабетты был домик в Дордони, где они проводили с детьми каждое лето. Они принадлежали к тем голландцам, которые благоговели перед всем французским: круассанами, багетами, камамбером, французскими марками автомобилей (разъезжая на одной из самых дорогих моделей «пежо»), шансоном и, наконец, французским кинематографом. Между тем они не замечали, что местное население Дордони голландцев на дух не переносит. Многие дома голландских семей были исписаны антиголландскими лозунгами, – по мнению моего брата, дело рук «деградировавшего меньшинства», ведь к ним-то всегда хорошо относились, и в магазинах, и в ресторанах.

- Пока неизвестно, – ответил Серж. – Зависит от того, как все сложится.

Год назад мы заехали к ним по пути в Испанию – в первый и в последний раз, как заключила Клэр, когда спустя три дня мы продолжили свое путешествие. Просто мой брат и его жена столько раз нас приглашали, что в какой-то момент нам стало неудобно откладывать визит до бесконечности.

Их дом возвышался на холме, скрытый за деревьями, сквозь кроны которых блестела вдали излучина реки Дордонь. Мы изнемогали от духоты, на улице не было ни ветерка, и даже в тени, возле прохладных стен заднего фасада, стояла нестерпимая жара. Гигантские жуки и синие мухи необъятных размеров истошно жужжали в листве и с такой силой врезались в окна, что дребезжали стекла.

Нас познакомили с каменщиком, пристроившим к дому открытую кухню, с мадам пекаршей и владельцем «самого обычного ресторана, куда навещаются только местные жители». «Mon petit fr?re»[2 - Мой младший брат (фр.)], – представлял

меня им Серж. Он чувствовал себя в своей тарелке среди французов, кстати самых что ни на есть обыкновенных. Простые люди были его профессией в Нидерландах, так почему бы и не поработать с ними и здесь тоже?

Единственное, чего он, по-моему, не учитывал, было то, что все эти обыкновенные французы прилично зарабатывали на нем, состоятельном голландце с его загородным домом, и лишь поэтому соблюдали элементарные нормы вежливости. «Такие дружелюбные, – восторгался ими Серж. – И простые. В Голландии таких нет». Он не видел или не хотел видеть, как каменщик выплюнул зеленый комок жевательного табака на плитку их террасы, после того как назвал цену партии «аутентичной» деревянной черепицы для навеса их кухни. Как мадам пекарше не терпелось поскорее обслужить других клиентов, томящихся в очереди, пока Серж рекомендовал ей своего младшего брата, – клиентов, весьма красноречиво подмигивающих друг другу: до чего спесивые они, эти голландцы! Как общительный владелец ресторанчика, присевший на корточки рядом с нашим столиком, заговорщическим тоном поведал нам, что получил накануне партию свежайших виноградных улиток – у фермера, который уступил их «по специальной цене» исключительно для Сержа и его «симпатичных родственников». Серж не подозревал, что французские гости ресторана довольствовались при этом самым заурядным меню из трех блюд, стоившим вдвое дешевле, чем одна порция наших улиток. О винной дегустации в этом заведении я лучше вообще умолчу.

Клэр и я выдержали у них три дня. За эти три дня мы посетили замок, где вместе с сотней других иностранцев, преимущественно голландцев, целый час промаялись в очереди, прежде чем гид провел нас по двенадцати затхлым комнатам со старыми креслами и кроватями с балдахинами. Остальное время мы коротали в душном саду. Клэр пыталась что-то читать, мне же было жарко даже раскрыть книгу, белизна страниц резала глаза, однако бездельничать тоже не получалось. Серж неутомимо занимался обустройством дома. «К тебе здесь проникают уважением, если ты сам строишь свой дом», – говорил он. За черепицей, привезенной для кухни, он по сорок раз на дню гонял тележку на проселочную дорогу в полутора километрах от дома. Он ни на секунду не задумывался о том, что своей бурной деятельностью лишь отбирает у кровельщика его заработок.

Даже дрова для камина он распиливал собственноручно. Все это порой напоминало рекламный снимок для его предвыборной кампании: Серж Ломан, кандидат от народа, с тележкой, пилой и толстыми бревнами, простой человек,

как все, с той лишь разницей, что очень немногие простые люди могут позволить себе загородный дом во Франции. Наверное, именно поэтому он не приглашал телевизионщиков в свое «помесье», как он сам его называл. «Это мое личное укрытие, – говорил он. – Для меня и моей семьи. Нам тут ни до кого».

Когда он не таскал черепицу и не колол дрова, он собирал смородину или ежевику. Бабетта варила из них варенье: в повязанном на голову крестьянском платке она дни напролет разливала горячую приторную субстанцию по сотням стеклянных банок. Клэр ничего не оставалось, как предложить свою помощь, так же как и я чувствовал себя обязанным ассистировать Сержу с его черепицей. «Помощь нужна?» – спросил я после седьмой тележки. «Не откажусь», – ответил он.

«Когда нам можно будет отсюда уехать?» – спросила Клэр вечером, лежа в постели; мы наконец были одни и, несмотря на жару, могли прижаться друг другу. От ежевики ее пальцы окрасились в синий цвет, синие пятна более темного оттенка виднелись и на волосах, и на щеках. «Завтра, – сказал я. – Нет, послезавтра».

В прощальный вечер Серж и Бабетта пригласили друзей и знакомых на ужин в саду. Среди них не было ни одного француза – исключительно голландцы, обладатели загородных домов по соседству. «Не волнуйтесь, – сказал Серж. – Соберется тесная компания, наиприятнейшие люди».

Вечером у Сержа в саду стояли, не считая нас, семнадцать голландцев, вооруженных бокалами и тарелками. Престарелая актриса («без работы и без мужа», как просветила меня на следующее утро Клэр), худой как щепка хореограф на пенсии, пивший только минеральную воду «Виттель» из принесенных с собой пол-литровых бутылочек, и гомосексуальная пара писателей, беспрестанно придирающихся друг к другу по любой ерунде.

Бабетта устроила шведский стол с салатами, французскими сырами, колбасой и багетами. Серж в красно-белом клетчатом фартуке, взяв на себя ответственность за барбекю, жарил гамбургеры вперемежку с кусочками мяса, перца и лука на шампурах. «Секрет барбекю в хорошем огне, – разъяснил он мне за несколько часов до ужина в тесной компании. – Остальное мелочи». Мне поручили собирать сухие ветки. Серж пил больше, чем обычно, рядом с барбекю он поставил в траву оплетенную бутылку – возможно, он нервничал по поводу того, как все пройдет, хоть и не подавал виду. «В Голландии сейчас уплетают

картошку с подливкой, – сказал он. – Даже мысль об этом мне противна. Ты только посмотри вокруг, вот это жизнь!» – Вилкой для мяса он обвел деревья и кустарники, заслонявшие дом от назойливых посторонних.

Все голландцы, с которыми я общался в тот вечер, рассказывали примерно одно и то же, зачастую даже в одинаковых выражениях. Они не завидовали своим соотечественникам, вынужденным из-за нехватки денег или по другим причинам оставаться в Голландии. «Мы катаемся как сыр в масле», – сказала женщина, много лет, по ее словам, проработавшая в «индустрии похудения».

Посмотрев на фигуры с бокалами в руках в золотистом сиянии факелов, стратегически размещенных Сержем в саду, я вспомнил фразу одного старого актера – как бишь его? – из рекламного телеролика десяти- или двадцатилетней давности: «Еще бы не кататься как сыр в масле, тем более когда сыр – настоящий французский, да еще и к бокалу хорошего коньяку...»

В тот же миг я ощутил запах бурсена, словно мне сунули под нос тост, намазанный этим препротивнейшим суррогатом мягкого французского сыра. Сочетание освещения и запаха бурсена превращали вечеринку брата в бородатый рекламный ролик: как там этот – как бишь его? – на все лады расхваливал суррогат, не имеющий ничего общего с настоящим французским сыром, так и здесь, в сердце Дордони, все притворялись французами при полном отсутствии французов настоящих.

Насчет антиголландских лозунгов они единодушно пожимали плечами. «Хулиганы!» – считала безработная актриса; владелец рекламного бюро, продавший свой бизнес, чтобы навечно поселиться в Дордони, утверждал, что эти акции направлены прежде всего против туристов, набивающих свои кемперы провизией из Голландии и не тратящих ни цента у местных продавцов.

«Мы не такие, – говорил он. – Мы обедаем в их ресторанах, пьем местное перно и читаем их газеты. Без таких, как Серж и ему подобные, здесь каждый второй строитель и сантехник остался бы без работы».

«Не говоря уже о виноделах! – вмешался Серж и поднял свой бокал. – Ваше здоровье!»

Чуть позади, в темной части сада у кустов, тощий хореограф целовался с младшим из писательской пары. Я заметил руку, скользнувшую под рубашку, и отвернулся.

«А что, если авторы лозунгов не ограничатся лозунгами?» – задался я вопросом. Скорее всего, им бы не составило большого труда прогнать отсюда эту трусливую шайку чужаков. При угрозе настоящего насилия голландцы обычно тут же поджимают хвост. Можно было бы начать с выбивания стекол, а потом поджечь парочку загородных домов. Парочку, не больше – ведь в конце концов эти дома должны были перейти в собственность тех, кто имел на них первоочередное право: молодым французским новобранцам, вынужденным из-за подскочивших цен на недвижимость тесниться у родителей. Голландцы напрочь расстроили местный рынок недвижимости, выкладывая баснословные суммы даже за сущие руины. С помощью относительно недорогих французских каменщиков эти руины восстанавливались, чтобы потом большую часть года пребывать в запустении. Удивительно, что до сих пор произошло так мало инцидентов, что аборигены ограничились лишь оскорбительными надписями.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Хороший парень Эдди: Давай, подгони бакс.

Мистер Розовый: Не, я чаевых не даю.

Хороший парень Эдди: Не даешь?

Мистер Розовый: Не считаю нужным (англ.).

2

Мой младший брат (фр.).

Купить: <https://tellnovel.com/ru/german-koh/uzhin-kupit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)